

Петр Северцев

Хакер и Маргарита

Хакер

Петр Северцев

Хакер и Маргарита

«Научная книга»

Северцев П.

Хакер и Маргарита / П. Северцев — «Научная книга»,
— (Хакер)

Расследование, которое ведут частный сыщик Валерий Мареев и его верный компьютер, сталкивает их с руководством процветающей коммерческой организации «Марат». Но главной фигурой в этом непростом деле оказывается некая Маргарита Акаева – в прошлом столичная журналистка, а ныне продавщица, мстящая за свою поруганную честь и изломанную судьбу

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ ХАКЕР И МАРГАРИТА

– Молодой человек! Войдите же в мое отчаянное положение! Поверьте, что обратиться к вам меня заставила крайняя необходимость! – Мой поздний гость даже слегка подпрыгнул на стуле от волнения и вцепился своими толстенькими пальцами в скатерть.

– Чашка, – показал я глазами на исходящий струйками пара кипяток, который гость рисковал опрокинуть себе на брюки.

Вряд ли в его возрасте он намеревался обзаводиться детьми, но я счел должным предупредить посетителя о грозящей опасности.

– Что-то? – переспросил он и, все же потянув на себя край скатерти, смахнул чашку со стола, ловко отпрыгнув от расплескавшегося чая.

Я обреченно поплелся за тряпкой в прихожую. Когда я вернулся, гость пытался навести порядок по-своему – вытирать веселый ручеек на скатерти, устремившийся к краю стола и мелким водопадиком низвергающийся на пол, своим носовым платком.

– Пардон, пардон, – бормотал он, приплясывая возле стола, пока я устранял последствия его неосторожности. – какая досадная неловкость... наверное, чашечку можно склеить...

– Еще чего, – хмуро пробурчал я, усаживаясь на свое место напротив визитера.

– Так вы возьметесь за мое дело? – с надеждой спросил посетитель, пытаясь украдкой заглянуть мне в глаза, словно собака, ждущая кусочек сахара.

Я тяжело вздохнул.

– Давайте еще раз, с самого начала и поподробнее, – предложил я, уже понимая, что мне никуда не деться. В конце концов, положение обязывает.

Если говорить честно, браться за предложенное дело мне вовсе не хотелось. Нет-нет, отнюдь из-за лени, – этого недостатка за мной, вроде, не водится. Тут все было гораздо тоньше.

Дмитрий Викторович Лалаев, – так представился толстячок, работал в фирме «Марат», располагавшейся в двух кварталах от моего дома.

Я как раз проходил мимо центрального офиса сего заведения, возвращаясь домой из компьютерного супермаркета с обновкой для Приятеля – прикупил на пробу плоский монитор за пять тысяч марок. Возле двери своей квартиры я застал топтавшегося на крыльце визитера, который настойчиво давил на кнопку звонка, словно пытаясь таким магическим действием материализовать хозяина, явно отсутствовавшего внутри помещения.

Можно сказать, что эта операция удалась – когда я добрел до крыльца, толстячок нажимал кнопку в седьмой, по моим подсчетам, раз.

– Вы не подскажете, – обернулся он ко мне, – где я могу увидеть...

– Здесь и уже, – ответил я, доставая из кармана связку ключей.

– Что вы имеете в виду? – озабоченно поинтересовался гость.

– Можете увидеть здесь и уже видите, – ответил я без особого энтузиазма.

– Ах, так вы и есть тот самый Валерий Мареев?! – обрадованно всплеснул руками толстячок. – Знаете, а я ведь к вам!

– Я уже догадался, – заверил я его. – Может вы пройдете или предпочитаете рассказывать мне о своих проблемах на пороге?

К этому времени я уже открыл дверь и ожидал, пока гость перестанет размахивать руками и исторгать из себя восторженные звуки.

– Да-да, конечно, – тут же споткнулся он о порог, потом едва не сшиб плечом стоячую вешалку и, уже пройдя внутрь помещения, попытался проникнуть напрямик в сортир, перепутав двери.

– Вам сюда, – аккуратно, но твердо придал я его телу нужное направление, слегка подтолкнув за локоть в сторону кухни.

Чтобы немного успокоить гостя, я напузырил ему чаю с валерианой. Лалаев немного расслабился и смог более-менее внятно изложить мне суть дела.

Дмитрий Викторович работал кадровиком в фирме «Марат». Уже одно это обстоятельство меня настораживало. Нет-нет, вы не подумайте чего такого.

На сегодняшний день «Марат» был весьма крупным концерном, подкармливал администрацию и давным-давно имел собственное производство – от строительного до нефтяного. Канули в далекое прошлое времена, когда «Марат» – кстати, сугубо татарская фирма, на начальных порах жестко ориентированная по национальному признаку, – имел сомнительную репутацию и многие бизнесмены даже держали пари: какой срок фирма сможет просуществовать. Оказалось, что сами эти бизнесмены очутились кто где, от тюрьмы до знойного Кипра, а «Марат» продолжал благоденствовать.

Во всяком случае, если здесь уместно применить заокеанские аналогии, фирма на данном этапе развития находилась на уровне третьей части «Крестного отца», – капиталы были вполне легальными, имидж достаточно солидным, перспективы потрясающие.

Уровень респектабельности как бы выплеснулся на улицу – не так давно был произведен капитальный ремонт фасадов зданий, занимаемых «Маратом» в центре города. Два с лишним квартала по обе стороны от головного офиса сияли светлой покраской и радовали глаз прохожих изящными лепными украшениями – «Марат» методично и планомерно скупал помещения, расположенные рядом и заполнял их разнообразными магазинами и конторами.

Честно говоря, я бы не возражал, если бы «новые татары» прикупили и мою жилплощадь, выделив мне адекватный метраж. Несмотря на добрых соседей и центр города, мне порядком поднадоели алкаши, использующие нашу подворотню как бесплатный туалет и шпана, периодически уродующая колеса моего «жигуленка».

Но, тем не менее, заниматься делом, связанным с «Маратом» мне не очень-то хотелось. Уж больно крутые нравы царили в этой фирме, так, во всяком случае, поговаривали в народе. А когда я выяснил, что мне придется расследовать дело Лалаева, работника вышеупомянутой фирмы, да еще таким образом, чтобы об этом не узнало его начальство, я окончательно упал духом.

– Лично сам директор попросил меня отобрать подходящую кандидатуру для вакансии завсектором в новом предприятии, которое открывается в помещении бывшего цветочного магазина, – озабоченно поведал мне Лалаев. – Ну, я взял домой несколько личных дел для того, чтобы изучить их в пятницу вечером и...

Дмитрий Викторович беспомощно посмотрел на меня. Казалось, что он готов вот-вот разрыдаться. Толстые губы моего клиента подрагивали, а редкие брови сошлись домиком на переносице. Сейчас он был похож на несправедливо обиженного английского бульдога.

– Продолжайте, продолжайте, – подбодрил я его. – Я не же начальство, не съем...

– В общем, – со вздохом констатировал Дмитрий Викторович, – во всем виновата жена.

– Чья жена?

– Моя, разумеется, чтоб ее приподняло да шлепнуло! – быстро ответил Лалаев. – Приспичило ей, видите ли, одеяла на дачу переть!

– Подождите, какие еще одеяла? – недоуменно спросил я. – При чем тут дача?

– Как при чем! – взвился взволнованный Дмитрий Викторович. – Да пропади она пропадом, эта развалюха! Я сам ее завтра же подожгу с четырех концов! Я эту Римму Павловну на улицу вышвырну! Своими руками! Сначала меня вышвырнут, а потом я ее...

– Римма Павловна – это ваша супруга? – уточнил я, прерывая поток угроз.

– Ну да, состоим в законном браке уже двенадцать лет, – подтвердил Лалаев. – И, знаете, за все это время она ни разу мне...

– Это не интересно, – снова укоротил я его. – Давайте вернемся к делу. Вернее, к личным делам. Как я понимаю, вы их потеряли?

– Что вы! – прижал руки к груди посетитель. – Разве бы я мог! Посудите сами, пять лет беспорочной работы, две благодарности от начальства...

– Тогда в чем проблема? – начал терять я терпение. – Чего вы от меня хотите?

– Их украли! – исторг из себя зловещий шепот Дмитрий Викторович. – Похитили, воспользовавшись моим беспомощным состоянием.

Ага, вот уже кое что и потихоньку проясняется. За двадцать минут беседы мы смогли выяснить то, с чего надо было ее начать.

Не ввести ли мне новый порядок: каждый посетитель в письменном виде подает мне задание. Причем, на заранее заготовленном бланке, где бы значилось ФИО, суть дела, краткое описание событий и цель визита. А тогда уже можно было бы переходить и к личной беседе.

Впрочем, ни фиги из этого не выйдет. Народ начнет писать «помогите» да «спасите», а самый смак, конкретика, все равно останется на личную встречу. Придется действовать по старинке.

– А как вы впали в это самое... беспомощное состояние? – тактично поинтересовался я.

– Одурманили, – сокрушенно признался Лалаев. – Самым ужасным образом.

Ему явно было неловко говорить, как все происходило на самом деле и он ожидал от меня наводящих вопросов. Что ж, пойдем навстречу клиенту.

– Кто? Чем? Где? И как? – загнул я четыре пальца на ладони.

– Злодей, – в свою очередь стал загибать пальцы Дмитрий Викторович, – наркотиком, на вокзале... э-э... то есть, в ресторации...

– Вы что, с ним пили? – поморщился я. – Боже, как это банально.

– Грешен, не удержался, – виновато пролепетал Лалаев. – Но, поверьте мне, буквально сто грамм. Или сто пятьдесят. Ни каплей больше.

Черта с два это наркотик! Много чести, Дмитрий Викторович!

Наверняка в налитую водку был подмешан банальный клофелин. Впрочем, если вы поймали с него наркотические видения и был хороший «приход», вам можно только позавидовать, это мало кому удается.

– Понимаете ли, до моего поезда оставалось еще целых пятнадцать минут, а душа чего-то хотела, какого-то маленького праздника, – объяснял свою опрометчивость Лалаев. – Я стоял на платформе с дипломатом, в котором лежали папки с личными делами и огромным баулом, куда я упибал два одеяла. Римма Павловна ждала меня на даче и... и не дождалась. Ни меня, ни одеял.

– Бедная ваша супруга, – посочувствовал я от всего сердца.

– И, знаете, что она мне сказала, когда мы встретились после всего? – с печалью посмотрел на меня Дмитрий Викторович. – Она сказала: «По твоей милости мы чуть не замерзли в эту ночь». И все. Ни слова сочувствия. А ведь я едва не отправился на тот свет. Представляете, какая черствость?! И это после стольких лет...

– Представляю, – остановил я его жестом ладони, – вы лучше опишите мне этого человека, который одурманил вас на вокзале.

Рассказанная мне история оказалась вовсе не из ряда вон выходящей, а была проста как мир. К сожалению, подобные случаи сейчас не редкость.

Ехавший на дачу Дмитрий Викторович стоял на перроне с дипломатом в одной руке и баулом с одеялами в другой. Какой-то мужик невзрачного вида в черной майке с надписью «Рита» попросил его помочь разобраться в расписании – очки, мол, забыл. Лалаев помог ему разобраться в прибытии и отправлении пригородных поездов, – расписание действительно, было напечатано очень мелкими строчками. После этого господа пассажиры разговорились и, слово за слово, оказались в пристанционном буфете.

Лалаев, судя по рубиновым прожилкам на его и без того помидорного цвета носу, был не дурак выпить. Но всего одна рюмка «брынцаловки» оказалась для него роковой. Очнулся он в реанимации, без баула и без дипломата. Нового его знакомого, понятно, след простыл.

– Я сначала грешил на овощной салатик, – с наивной попыткой оправдаться, говорил Лалаев, – уж больно мне подозрительным он показался. Но врачи сказали, что все гораздо серьезнее...

Когда Дмитрий Викторович пришел в себя, его «обрадовали» известием о пропаже вещей и от души посочувствовали. Впрочем, Лалаев, по словам врачей, еще легко отделался: большое сердце плюс возраст, плюс общее состояние его расшатанного организма...

В милицию Дмитрий Викторович решил не заявлять. Это положило бы немедленный конец его карьере, причем, только в самом лучшем случае.

– Мне ведь до пенсии осталось три года, – умоляюще глядя на меня, говорил Дмитрий Викторович. – И потом, я боюсь, что меня накажут.

– По башке, что ли, дадут? – спросил я, глядя на его залысины.

– Нет, что вы, Валера, – отмахнулся Лалаев. – Не в том смысле... Просто, наше начальство стало в последнее время каким-то чересчур уж подозрительным. И, если я, так сказать, сдамся, то начнется такое, что упаси Господь. В смысле, Аллах.

– А что начнется-то?

– Ну, наверняка подумают, что это какие-то интриги, и я буду расхлебывать эту кашу несколько месяцев. Вот, между прочим, недавно у нас счетчик на ксероксе в директорском кабинете показывал цифру, на десять позиций превышающую сделанное количество копий. Господи, какой тогда был содом во всех подразделениях!

Лалаев прикрыл глаза рукой, вспоминая подробности скандала.

– Часами сидели, закрывшись в кабинете – директор, коммерческий и бухгалтер, гадали, чьи это козни, кто шпион и так далее. А в результате оказалось, что это секретарша решила себе восточный гороскоп скопировать. Ее, понятно, уволили, предварительно оштрафовав. Ну, и еще потом пару раз напоминали. А так, начальство у нас хорошее, душевное, две благодарности...

Я немедленно выключил естественный звуковой анализатор, – то бишь, не стал воспринимать замутившийся помехами поток речи Дмитрий Викторовича и углубился в размышления. В последнее время я часто ловлю себя на том, что применяю по отношению к своей бренной плоти термины, скорее приличные для компа или копира.

– Поверьте, я не остановлюсь перед расходами, – на этих словах я включился. Лалаев вытирал пот со лба и с надеждой глядел на меня.

– Давайте попробуем обсудить этот вопрос поконкретнее, – предложил я. – Значит, так. В мою задачу входит вернуть вам утраченный дипломат с личными делами, я вас правильно понял?

Лалаев радостно закивал.

– А этот гад – черт с ним. Не надо его... это... ну, вы поняли. Рано или поздно судьба, то есть, Всевышний накажет мерзавца, – великодушно помиловал Лалаев своего собутыльника.

Я только покачал головой. Превратное, однако, понятие у народа о частных детективах.

– Так вот, господин Лалаев, я берусь выполнить эту работу за пять дней, – на всякий случай я дал себе небольшую фору.

– Что вы! Что вы, голубчик! – затрепетал Дмитрий Викторович. – Сегодня у нас воскресенье, завтра, даст Бог, скажусь занятым отчетом, а уж во вторник, самое позднее в среду – все, кранты. Вынь да положь! Нет уж, вы напрягитесь как-нибудь, а я со своей стороны в долгу не останусь. Во вторник вечером дела должны быть у меня. Тем паче, что я их обязан хотя бы пролистать...

– За срочность я беру надбавку, таково правило, – твердо сказал я. – Итого получается: сотня баксов суточных плюс семьсот за конечный результат. В общем, выходит ровно штука.

– Постойте-постойте, откуда же штука? – задумался Лалаев. – Семьсот плюс два дня работы – понедельник и вторник – это выходит девятьсот.

– Вы, Дмитрий Викторович, не потрудились посчитать сегодняшний день, – ласково поправил я его. – У нашего брата выходных не бывает.

Короче, мы сторговались.

– Все равно это выходит дешевле, чем... если... нет, даже говорить об этом не хочу, – махнул рукой Дмитрий Викторович и отслюнявил мне три сотни зеленых старого еще образца.

«Два старых одеяла – не слишком большой улов, – резонно решил я. – Этот парень с клофелином в кармане наверняка был разочарован, раскрыв лалаевский баул. Интересно, а что он ожидал там увидеть?»

«Дипломат», конечно, привлекал внимание злоумышленника гораздо больше. Но и тут его ждало разочарование. Кроме папок с личными делами в нем не было ничего онтересного – ни денег, ни документов.

«Что бы я сделал, попади ко мне в руки такой улов? – рассуждал я. – Наверняка, постарался бы избавиться от ненужных бумаг. Выкинул бы на помойку? Сжег? Толкнул бы одеяла на рынке?»

Впрочем, чего же это я напрягаюсь? Моя компетенция – это ноги. А голова у меня помещается в другом месте. Метрах в десяти от кухни.

Преодолев это расстояние, я вошел в свою каморку и плотно запер дверь.

На массивном столе стоял мой виртуальный мозг, отдельный и прекрасный. Зрелище не для посторонних глаз, сами понимаете. Я и правда подчас не заботился о некоторых мыслительных операциях, зная, что он проделает это гораздо лучше меня. В конце концов, именно для этого он и был предназначен, вызван к жизни и именно для этого я трачу на апгрейд своего Приятеля почти все гонорары.

Приятель (он же Пентиум) заменял мне не только голову, но и, как это ни дико прозвучит, друзей. Мне, действительно было интересней беседовать с машиной и, как и положено друзьям, мы говорили преимущественно о работе, причем о работе конкретной.

Что же касается наиболее общих, так сказать, философских вопросов, то я решил их еще в ранней юности и теперь они сводились лишь к уточнению некоторых формулировок. Да и смешно было бы спрашивать у Приятеля в чем, скажем, по его мнению, смысл жизни или обмениваться с ним мнениями о первичности духа либо материи.

Впрочем, если дать Приятелю такое задание, то он займется и подобным вопросом. Но на это, наверняка уйдет куча времени.

Я даже на минуту представил себе, как Приятель станет рыскать по сетям, навещать солидные философские сайты, делать запросы в электронных конференциях, просматривать соответствующие статьи в разнообразных версиях энциклопедических словарей...

Кстати, Большую Советскую Энциклопедию я собственноручно заносил в память Приятеля (тогда еще безымянного), пока работал в «ящике» над секретной программой, предназначенной непосредственно для Конторы Глубинного Бурения. Но жизнь повернулась иначе и я остался единоличным владельцем всех своих наработок.

А если учесть, что кроме компьютеров моей страстью всегда было чтение детективной литературы, то вывод напрашивался сам собой. Смешно вспоминать: до меня тогда не сразу дошло, что это судьба.

Простейшее сопоставление: человек очень любит читать детективную литературу и разработал программу, предназначенную для следственной работы. Конечно, он должен соединить теорию с практикой и стать... частным детективом. Когда я это понял, то просто подпрыг-

нул на месте. Кажется, именно в тот раз я почувствовал, что такое состояние просветления, о котором говорят индийцы.

Ведь в память Приятеля были помещены тысячи дел – как реальных, так и сюжетов подавляющего большинства произведений соответствующего жанра. Плюс необходимые сведения по истории и юриспруденции. Плюс (и какой плюс!) – возможность аналитического мышления.

Самым большим плюсом, разумеется, стал Интернет. Приятель сразу «поднялся» на несколько порядков и уже мог без моей подсказки ежедневно наращивать свой интеллектуальный потенциал самостоятельно, черпая практически любую информацию полными горстями.

Вот и сейчас я рассчитывал на то, что Приятель, проанализировав данные, которые я ему сообщу, задаст мне схему действий.

Иногда это было нечто очень простое, банальное и само собой разумеющееся. Но подчас у меня удивленно вскидывались брови, когда я видел на экране монитора такие предписания, которые ну никак не укладывались в границы человеческой логики.

Но в этом вся и соль. Человек мыслит, скажем, на n ходов вперед, а Приятель на $n+1$. И поэтому, когда здравый смысл велит мне, скажем, пойти наиболее простым путем, Приятель может предложить что-нибудь этакое. Скажем, отправит тебя на Мальдивы или Маврикий. Причем, не только в переносном смысле.

И почти всегда оказывается прав, как я ни старался уловить его на ошибке.

Разумеется, я мог бы встать на дыбы и потребовать от Приятеля объяснений, и он бы не замедлил их дать. Однажды я так и сделал.

Ровно двенадцать с половиной часов я потратил на изучение хода его электронной мысли. Приятель затратил на эти операции от силы минут сорок, я же – весь рабочий день на дурацкую ревизию. Наконец, опухнув от трудоемкой проверки, я завис и вынужден был признать его правоту и с тех пор зарекся «качать права». Пусть лучше Приятель качает информацию и наставляет меня на путь истинный. В смысле – куда идти и что делать.

Я предпочел набить информацию на клавише, чем пользоваться этим вечер звуковым анализатором. Конечно, приятнее общаться с голоса, конечно, Приятель изучил мой тембр и не спутает его ни с чьим другим (однажды он выдал мне графическое изображение моего голоса и несколько таблиц, в которых были тщательнейшим образом расписаны его параметры; с его стороны это был своего рода приятный сюрприз, потому что я не просил об этом Приятеля). Но мне не хотелось засорять аудиоканал – за окном гостиной раздавались пьяные вопли, доносящиеся с улицы и проникавшие даже в каморку, хотя она и была глухой комнатой.

– Я король, а вы все – говно! – орал какой-то наклюкавшийся вдрызг грузчик.

Кричал он очень громко, одну и ту же фразу, но с промежутком минуты в две. Наверное, набирал воздух в легкие, готовясь к новому воплю.

Это продолжалось уже полтора часа. Редкие прохожие реагировали на это заявление по-разному, большей частью хохотали. Но вот уже несколько минут до моего слуха доносился напряженный диалог:

– Я король, а вы все – говно! – в очередной раз провозгласил алкаш.

– А ну-ка п-повтори, что ты сказал! – требовал возмущенный голос.

Его владелец, судя по затрудненному произношению, был еще пьянее грузчика.

– Я король, а вы все – говно! – вновь раздавалось через отмеренный промежуток уже знакомое мне до боли восклицание.

– Что?! Что ты сказал, сука?! А ну-ка повтори! Повтори, мать твою?! – негодовал задыхающийся в иступлении оппонент.

Сто двадцать секунд полной тишины и все начинается сначала.

Чтобы не заставлять Приятеля разбираться в наших бытовых проблемах, королях и говнах, я и решил на этот раз обойтись без звукового анализатора.

Быстро настучав на клавише нужную информацию, я сразу же запросил анализ, примерный расклад по мотивам и схему действий.

Пока Приятель думал, – а производил он эту основную операцию тщательно и не торопясь, я сбегал на кухню и сварил кофе. Когда я уже погасил распростертый венчик синего газа под туркой и отстаивал «арабику», из каморки послышался негромкий зуммер.

«Неужели так быстро?» – удивился я, оставил кофе в сторону и ринулся к Приятелю.

Никогда не знаешь, сколько времени потребуется ему для обработки данных. Временами мне казалось, что Приятель слишком уж серьезно подходит к своим обязанностям. От заката до рассвета он может биться над проблемой и лишь под утро выдавать мне необходимый набор данных. А иногда хватает и получаса.

Что у нас на этот раз?

– ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ: ПОСЕЩЕНИЕ ВОКЗАЛА.
ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ ОБРАТИТЬ НА ЖЕНЩИНУ С УРОДЛИВЫМ
ЛИЦОМ. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ТАТАРКА.

– Вот как? – сказал я вслух. – А если немного поконкретнее?

– ОСНОВНОЙ БЛОК ИНФОРМАЦИИ ОЖИДАЕТСЯ В ТЕЧЕНИЕ
ТРЕХ ЧАСОВ,

– сообщил мне Приятель и углубился в сложные изыскания внутри своих недр.

Вокзал так вокзал.

Заперев каморку с Приятелем и быстро выхлебав кофе прямо из турки, я хлопнул дверью и быстро пошел по направлению к троллейбусной остановке. Машину решил не брать – дольше искать свободное место, чтобы пристроить тачку, да и денег жалко на оплату парковки.

Продолговатая коробка из бетона и стекла, отстроенная несколько лет назад взамен старого, ветхого, но милого вокзальчика, встретила меня кучей народа перед центральным входом и усиленным кордоном милиции. Стражи порядка вежливо, но непреклонно советовали зазевавшимся прохожим не задерживаться. Десятки пассажиров, привычные уже ко всему, расположились со своими баулами возле здания почты, смешавшись с какими-то южными беженцами, традиционно оккупировавшими эту площадку.

«Наверняка снова бомба, – подумал я. – Вернее, сообщение о бомбе по телефону».

Некто решил развлечься, набрал номер и быстро произнес какую-нибудь хрень о заложенном зарядном устройстве. А потом вернулся к своему столику с недопитой водкой и с хохотом рассказывал приятелям, как он здорово приколотся. А, может быть, какой-нибудь романтический юноша решил помешать своей девушке уехать навсегда.

Впрочем, не исключено, что информация о готовящихся взрывах исходит именно из тех структур, которые обязаны пресекать подобные действия.

Смысл, спросите вы? Для ответа на этот вопрос нужно попытаться возвыситься над обыденной точкой зрения и попробовать взглянуть на ситуацию с высоты государственных интересов.

Во-первых, проверка боеготовности, нечто вроде учебной тревоги. Во-вторых, соответствующие подразделения доказывают, что они хлеб едят не даром и в нужную минуту могут быстро и профессионально сделать свое дело. В данном случае – оцепить вокзал и, произведя проверку, обнаружить, что бомбы нет. И так далее.

А если предположить, что более-менее регулярные звонки о бомбе – все же инициатива граждан, а не властных структур, то, в таком случае, это замечательный способ отвлечь внимание. Если звонить каждый день и указывать, что бомба лежит на вокзале, рано или поздно на такую информацию просто перестанут реагировать.

И вот тогда...

– Пардон, – автоматически извинился я, толкнув плечом встречного. И, разглядев его, уже совсем машинально добавил, – мадам...

Эта как бы французская сгороговорка – пардон, мадам – наверняка вошла в наш современный речевой обиход еще с тех – блаженных – имперских времен и, несмотря на некоторую отчетливую пошловатость, все же хранила в себе изысканное очарование.

Даже не обернувшись в мою сторону, женщина прошла мимо. Слово «мадам» подходило к ней ровно столько же, как участие в жестких порнофильмах нашему премьер-министру или прозрачная батистовая блузочка от Кардена – страдающей слоновой болезнью бабушке.

Физическое уродство вызывает в нас порой противоречивые чувства – с одной стороны, естественную жалость, а порой и содрогание; с другой – стремление никак не обнаружить своей реакции на увиденное: ведь это может обидеть человека. Недаром же и в Америке общественность в вопросе об инвалидах подобным же образом балансирует между попечением больных членов общества и, в то же время, настаивает на полном равноправии.

Но мы – не в Америке. И этой несчастной женщине явно не повезло. Такие на редкость страшные лица специально выдумывают команды крутых профессионалов, работающих над фильмами ужасов.

Помимо недавних увечий – фингала под правым глазом и на левой скуле, разбитой губы и кровоточащего шрама на подбородке – физиономия этой женщины достаточно претерпела и ранее.

Ее нос был свернут на сторону, как у заправского боксера-профессионала, левое веко наполовину отсутствовало, передние зубы сохранили только два клыка, а подбородок был разделен надвое глубокой рваной раной. Плюс вмятина на виске. Плюс фиолетово-красная пузыристая кожа на затылке – волос там не было.

Наконец, когда женщина повернула голову, переходя дорогу, я обнаружил, вдобавок ко всему, что у нее только одно ухо.

Если Приятель имел в виду эту женщину, то она передо мной. Стараясь не выделяться из толпы, я перешел дорогу и устремился за ней во двор стоявшего неподалеку дома. Пройдя немного вперед, она поздоровалась с пенсионером, тупо сидевшим на полуразрушенной лавочке перед засранным парадным привокзальной пятиэтажки.

Дальнейший маршрут загадочной незнакомки пролегал вдоль покосившихся строений барачного типа. Женщина брела очень медленно, не оглядываясь, изредка что-то бормоча себе под нос. Она миновала почти все строения и вошла в здание, стоявшее последним в ряду приземистых построек и через минуту в окнах зажегся свет.

Немного постояв перед домом, я примерил на глаз расположение комнат. Вот свет загорелся в дальнем конце домика, (скорее всего, там находится кухня, – было слышно, как негромко верещал холодильник и раздавался шум воды), потом погас.

Я подошел к двери и громко постучал. Словно мне в ответ, погас свет и в комнате. Я постучал еще раз. Послышались шаги и детский голос, судя по тембру – мальчик, быстро проговорил:

– Приходите утром.

– Э-э... – начал я было придумывать какую-нибудь фразу, но раздалось шлепанье босых ног, затем плотно прикрыли дверь в коридор.

На следующий мой стук никто не отзывался. Что ж, утром так утром.

По дороге назад я обратил внимание на пенсионера, с которым поздоровалась незнакомка. Он продолжал так же смиренно сидеть на лавочке, глядя прямо перед собой печальными мутными глазами.

– Что, батя, – подсел я рядом, – как тут у вас вообще, ничего? Я вот приезжий, хочу здесь на работу устроиться...

Дед демонстративно поправил орденские планки на ветхом пиджаке и, смерив меня с головы до ног высокомерным взглядом, ответил:

– На работу... У вас молодых одна работа – красть и стрелять друг в дружку.

– Ну не скажи, – вынул я пачку сигарет и угостил собеседника, – всякое, конечно, бывает, но если можно не стрелять, то лучше не стрелять.

Пенсионер взял сигарету и заложил ее себе за ухо. Следующая отправилась за второе ухо, а уже третью дед ловко забросил себе в рот и ухарски прикурил от коробка спичек, орудуя одной рукой.

– Устраивается же как-то народ, – продолжал я свой туповатый монолог. – Вот, к примеру, баба тут живет неподалеку. Страшная, как мегера, а, вроде, тоже где-то вкалывает да бабки заколачивает.

– Ритка? – уточнил дед. – С рожей перепаханной? Точно, тут неподалеку торгует на лотке ногами мертвых куриц возле аптеки.

– Во-от, – утвердительно произнес я, – а ты говоришь: стрелять. Я тут ей должок нес, да что-то дверь никто не открывает. Пацан вроде у нее...

– Есть парнишка, – подтвердил дед. – Хороший, работающий. Хоть и татары они, да тоже люди. Помнится, в Крыму, еще в те времена...

Дальше последовал очень подробный рассказ о выселении крымских татар во время войны. Дед, как оказалось, принимал в этой акции непосредственное участие. Теперь он отчасти сомневался в ее правомерности, отчасти считал, что тогда эти действия были оправданы.

Свои соображения он высказывал мне сорок с лишним минут, очевидно, обрадованный неожиданному собеседнику. Я не мог даже вставить словечко в сплошной поток его речи и даже слегка обрадовался, когда стал накрапывать мелкий дождик – старик тотчас же засуетился и, не попрощавшись, юркнул в подъезд.

Значит, женщину зовут Маргарита. Марго... Любопытно, каким же образом на нее вышел Приятель, и какую загадочную роль эта торговка замороженными окорочками играет в истории похищения дипломата с личными делами сотрудников фирмы «Марат».

Стоп. «Марат» – татарская фирма. Маргарита – татарка. Какая здесь может быть связь?

Но, чем гадать, лучше предоставить проделать всю аналитическую работу Приятелю.

Я решил вернуться домой. Время, которое Приятель выговорил себе на работу, почти истекло и я мог быть уверен, что в камерке меня уже поджидает исчерпывающий анализ и план действий.

Смеркалось. Вокзал вновь был открыт для посетителей, бомбу, как и следовало ожидать, не обнаружили. Я проследовал вдоль фешенебельного здания и, когда поравнялся с платформой пригородных поездов, мое внимание привлек человек в майке, на которой была изображено в прыжке какое-то тигроподобное животное.

«Пума, – пронеслось у меня в мозгу, – конечно же Пума, какая к чертям Рита. Все так просто: Рита. Хочешь по-русски читай, хочешь – по английски».

Я усмехнулся про себя, вспомнив, как шутил с приятелями еще в институте.

Часы, мол, у меня крутые, заграничные, фирмы Raketa. Хотя это были самые что ни на есть отечественные марки «Ракета».

Мужик, которого я искал, даже судя только по его внешнему виду, был самым что ни на есть дурным лохом. С точки зрения нормального среднестатистического преступника, разумеется.

Находиться на том же месте в той же одежде, использовать тот же самый прием – на такой рискованный поступок мог решиться только человек, мало что понимающий в этой жизни. Хотя, наверняка, с его точки зрения, дурными и глупыми лохами были все окружающие.

Я даже не стал удивляться. Преступники подчас бывают способны на самые загадочные действия. Помнится, когда я еще разрабатывал программу для Приятеля, среди уголовных дел,

которые мне подбрасывали для пополнения базы данных попадались такие, что просто хоть заноси их в книгу рекордов Гиннеса по части идиотизма.

Например, некие граждане взламывают магазин и крадут оттуда два ящика дорогостоящего коньяка плюс выручку в кассе. Затем они направляются на хату, расположенную в пятидесяти метрах от ограбленного магазина, начинают пить этот коньяк, а бутылки выбрасывают в окно. Надо ли говорить, что они даже не успели прикончить первый ящик, как всю теплую компанию быстренько повязали.

Похоже, «клофелинщик», как я его окрестил, был из подобного же сорта уголовников. Его поведение было на редкость соответствующим его роду занятий. Мужик бродил по перрону, время от времени предлагая редким пассажирам помочь ему разобраться с расписанием.

После этого он что-то доверительно шептал, наклонившись к самому уху предполагаемой жертвы, очевидно, предлагал выпить где-нибудь неподалеку, но никто не клевал на эту наживку.

Я решил помочь этому типу и, остановившись неподалеку, изобразил скучающее ожидание.

Через десять минут возле меня оказался клофелинщик и спросил меня, не расслышал ли я объявление, только что переданное по динамике.

– На Плеханы со второго, – любезно пояснил я. – Нумерация с хвоста.

– А-а, значит не мой, – успокоенно произнес мужик. – С какого на Екатериновку отправляется, не в курсе? Может, с пересадкой быстрее?

– Вроде бы отсюда, но это еще через сорок минут, – ответил я, как бы случайно оглянувшись в сторону привокзального гадюшника.

– Может, того, – щелкнул себя по горлу мужик. – Скоротаем?

– А что? – пожал я плечами. – Почему бы и нет. Заодно и погреемся.

И вот, мы уже стоим, прислонившись к широкому подоконнику за шатким столиком кафе.

Перед нами возвышается бутылка местной водки и мерзкий овощной салатик, к которому с таким подозрением, – и, надо сказать, не без оснований, – отнесся Дмитрий Викторович Лалаев.

Пока мужик разливал водяру в пластмассовые стаканчики, я не спускал глаз с его рук.

Вроде, все чисто.

– Слышь-ка, браток, – толкнул он меня в бок, – я что-то не разгляжу, это пиво, вон там, слева, по четыре или по восемь?

Ага, вот оно.

Я не торопясь обернулся и, всмотревшись в ценник, дал ему время растворить в моем полистироловом стаканчике лекарство.

– По шесть, – ответил я. – У тебя что, со зрением проблемы?

– Во-во, – кивнул мужик. – Вредное производство. Хотя и надбавку платят, все равно болят. А денег все равно не хватает. Ну что, будем?

Он уже протянул руку к посуде, но я мгновенно опередил его и взял стаканчик, стоявший рядом с ним, а ему подвинул свой.

– Будем, – поднял я стаканчик, глядя ошарашенному моими действиями клофелинщику прямо в глаза. – Твое здоровье, земляк.

Такого он не ожидал. После минутной заминки он резко дернул локтем, опрокинув посуду. Ручеек водки весело побежал по клеенке.

Отчаянно ругнувшись, мужик прытко устремился якобы к прилавку в поисках тряпки, но я уже цепко ухватил его за рукав.

– Давай-ка ты не будешь так дергаться, – улыбнулся я. – Я ведь вовсе не собираюсь тебе бить морду или там чего похуже.

– Ты чего? – решил тот сыграть в дурочку. – Я что-то не врубился.

– Чего? – переспросил я. – Да то самое. Давно тут промышляешь?

– А-а, ты, значит, из этих... Проценты тебе сдельно или аккордно? – клофелинщик уже полез в карман, решив, что я банальный рэкетир.

Я решил его не разочаровывать. Пусть думает, как хочет, мне же лучше.

– Ни так, ни по другому, – заявил я. – Если договоримся, возьму вещами.

– Нет проблем, – искренне обрадовался мой собутыльник. – С какой частотой будем производить расчеты? Чем интересуетесь?

– Это исключительно однократная акция, – заверил его я. – Собственно, меня интересует всего одна вещь. Где портфель, который ты сделал в субботу? Помнишь мужика с баулом, в котором оказалось тряпье?

– Ох, не повезло мне в тот раз, – сокрушенно проговорил мужик. – Представляешь, баул с одеялами и чемоданчик с бумажками. И это – за вечер работы. Даже на минималку не тянет.

– Зато тянет на кое-что другое, – осадил я его. – Где чемоданчик?

– В надежном месте, – заверил меня отравитель. – Можем сходить прям сейчас.

– Ну так и пошли, – предложил я, – чего время зря терять?

– А это как же, – кивнул мужик на недопитую водку в бутылке. – Я ведь только в один стакан подсыпал. Чего ж добру пропадать?

По-хозяйски он заткнул горлышко туго свернутой бумажной салфеткой и бережно спрятал поллитровку во внутренний карман.

Мы отправились в привокзальный район, как раз в ту же самую местность, где проживала Марго. Клофелинщик предложил мне подождать его у барака, расположенного почти напротив дома татарки.

Я остался у входа и присел на лавочку в ожидании мужика с дипломатом.

Как я смог убедиться во время первого посещения этой местности, окна у домов выходили только на одну сторону, стены, обращенные к соседней улице, были глухими и не имели дверей. Так что я был вполне уверен, что мой новый знакомец никуда не денется.

И действительно, через минуту послышались шаги, – мужик спускался по лестнице, – и дверь подъезда слегка приоткрылась.

Но тут же снова захлопнулась. Неужели этот тип, увидев меня, испугался? Неужели он рассчитывал, что я его не дождусь?

Что за черт? Я же заметил носки его кедров и кусочек майки с пумой. Почему же он медлит? Нет, тут дело явно нечисто, пора вмешиваться.

Быстро подбежав к подъезду и рванув на себя дверь, я не смог удержаться на ногах под тяжестью тела. Клофелинщик упал прямо на меня, и мы вдвоем рухнули на газон, помяв чахлые красные гладиолусы.

Отшвырнув в сторону мужика в майке, я увидел, что из его широкой спины торчит кривой нож, а человек, прятаясь в подъезде, со всех ног бежит прочь, держа в руках предназначенную мне добычу – небольшой черный дипломат из кожезаменителя.

– Стой! – истошно завопил я во все горло, уже теряя из глаз черный кейс в руке убегающего убийцы. – Стой, мать твою...

Вскочив на ноги, я уже бросился вперед, как позади меня раздался точно такой же крик.

– Стой! Стой, мать твою!

«Эхо? – пронеслась в моем мозгу дурацкая мысль. – Откуда здесь эхо?»

И почему оно добавило:

– Стрелять буду!

Резонно рассудив, что лучше подчиниться приказу, чем быть подстреленным ни за что ни про что, я поднял руки и позволил себя обыскать.

На мои торопливые объяснения и указания – путем тыкания пальцем в сторону бежавшего преступника – милиционеры сначала не обратили ни малейшего внимания, а потом все же снарядили погоню.

Как и следовало ожидать, результат оказался нулевым, время было упущено.

Глядя в светлые пустые глаза застегивавшего мне наручники сержанта, я понял, что судьба, словно вредная программистка, решила занести в программу этого дня моей жизни дополнительные затруднения – впереди у меня несколько долгих часов объяснений, и это в лучшем случае. В худшем мне грозил срок за убийство.

Как это дельце умудряется состряпать, я не знал, знал лишь, что если они этого захотят, то приложат все силы, чтобы посадить меня за решетку.

– Аслан! – рванулся я, что пума в прыжке, изображенная на майке клофелинщика, завидев среди ментов своего знакомого – соседа по двору.

Капитан Макаров как раз подъезжал к патрульной машине, собираясь принимать смену.

– Валерка? – удивился он. – Каким ветром тебя занесло в наши руки?

– Ох и недобрым, – ответил я, демонстрируя свои стянутые наручниками запястья.

– Снимите браслеты с товарища, – приказал Аслан сержанту.

– Но, товарищ капитан... – попытался возражать тот, видя, что мышь ускользает из ловушки. – Ведь налицо преступление. Вот труп на газоне валяется, вот подозреваемый в убийстве...

– Это Валерка-то подозреваемый?! – разъярился Аслан. – Да я скорее поверю, что сам пришел этого типа! Исполняйте приказание, товарищ сержант и не рассуждайте, когда с вами говорит начальство.

...Я отделался всего тремя часами. Протокол был довольно скользким местом – я не мог выдавать своего клиента и лишь вкратце очертил ситуацию.

В моей версии она предстала следующим образом: мне было поручено выследить отравителя, и я это сделал, но неизвестный мне человек ликвидировал клофелинщика. В карманах убитого было обнаружено лекарство, на ноже не было моих отпечатков пальцев и, таким образом, мой рассказ был принят на веру.

Хотя я прекрасно понимал, что если бы не Аслан, то вряд ли бы я смог попасть к себе домой сегодня вечером. Мы были с Макаровым в хороших отношениях, нас сближали, кроме места проживания, общие для автомобилистов интересы и я частенько помогал Аслану во время его многочисленных экзаменов на курсах повышения квалификации.

Попав домой, я быстренько сбросил куртку, сполоснул руки и ринулся к Приятелю.

Тот завидев меня, а вернее, услышав, разразился веселеньким зуммером.

При входе я нажимал миниатюрную кнопчку, очень хитро расположенную снаружи возле косяка; этот контакт давал Приятелю знать, что я пришел один и готов к работе. В противном случае Приятель погасил бы экран и притворился бы спящим. А если кто-то рискнул бы пробраться в святая святых этого дома – комнату, где стоял комп и попробовать врубить машину, то...

То хрен бы у него что получилось, во-первых. А во-вторых, злоумышленнику бы очень повезло, если бы он остался в живых.

Но это уже мои профессиональные секреты, которые я не собираюсь раскрывать.

– Ну, что там у нас? – пробормотал я и подключил звуковой анализатор.

– ХАКЕР, ТЕБЕ ГОНЯТ ЛЕВАКА, – медленно произнес Приятель.

– Вот как? – заинтересовался я. – Уточни, пожалуйста, свои обвинения.

– ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЛАЛАЕВ НЕ РАБОТАЕТ И НЕ РАБОТАЛ
КАДРОВИКОМ В «МАРАТЕ», – мерно падали слова. – ТВОЙ КЛИЕНТ

– ПРОДАВЕЦ «ПЕПСИ» В ЗАКУТКЕ ПРЕДБАННИКА ГОЛОВНОГО
ОФИСА ФИРМЫ.

Хм! «Закуток», «предбанник»... Приятель явно не упускает случая пополнить свой словарный запас. Наверняка рыскал по новым словарям.

– Ах, значит так? – обиделся я. – Ну нет уж, я с собой так шутить не позволю.

Не люблю, когда меня дурят! Ха, Лалаев решил чужими руками жар загребать! Вводить в заблуждение лучшего из частных детективов города! Хрен тебе, Дмитрий Викторович, а не «дипломат» с личными делами.

– Твои версии? – спросил я машину. – Служебные интриги? Или что-то другое?

– СТОПРОЦЕНТНЫЙ ШАНТАЖ, – немедленно отозвался Приятель. – ЧТО КАСАЕТСЯ ЧЕЛОВЕКА, ОГРАБИВШЕГО ЛАЛАЕВА, ТО ЭТО ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО «КОЗЕЛ», МОШЕННИК КРАЙНЕ НИЗКОГО ПОШИБА. ИМЕЕТ ПЯТЬ СУДИМОСТЕЙ, НА СВОБОДЕ БОЛЬШЕ ПОЛУГОДА НЕ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ. СКЛОНЕН К ПРИМИТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ, ВЫШЕ ГОЛОВЫ НЕ ПРЫГНЕТ.

– Короче, подарок ментам, – заключил я. – Человеку ставку надо платить...

Когда под рукой есть такой кадр, вроде тупого клофелинщика, то раскрываемость преступлений в районе резко идет вверх. До поры до времени мужика не трогают, а потом хватают и предъявляют полный список содеянного. Впрочем, предъявлять уже некому.

Кстати, надо ведь срочно поделиться с Приятелем свежими фактами. Я присупил к делу, подвинул поближе микрофон и, не торопясь, как можно подробнее отчитался о событиях сегодняшнего вечера.

– ИДЕТ ОБРАБОТКА. ЖДИТЕ ОТВЕТА,

– произнес приятель, подражая голосу телефонистки в последней фразе. Или это мне только показалось?

Пока Приятель думал, я нашел взглядом свою «сотку» и немедленно позвонил Лалаеву.

– Добрый вечер, Валера, – радостно откликнулся Дмитрий Викторович. – Не ждал, что вы свяжетесь со мной так скоро. Я тут один дома, жена с дочкой на даче. Скучаю, прессу просматриваю, а тут ваш звонок. Приятная, так сказать, неожиданность. Как ваши успехи?

– Есть определенные успехи, но есть и определенные трудности, – ответил я. – У меня к вам вопросик возник, Дмитрий Викторович.

– Да-да, пожалуйста, слушаю вас, – с готовностью отозвался Лалаев.

– Почему у вас пепси на лотке? Кстати, вы в разлив торгуете или на вынос?

Молчание плюс сопение.

– Если маленький стаканчик – тысяча, – с угрозой в голосе ответил Лалаев. – Большой – полторы. Гранд с крышечкой – две с половиной.

– Какого черта вы мне наврали, – взял я разгон с места, – зачем вам нужно было говорить, что вы работаете в отделе кадров «Марата»?

– А какая вам разница, Валерочка? – искренне удивился Лалаев. – Да назовись я хоть генеральным директором, вам-то что?

– Я очень не люблю, когда мои же клиенты меня водят за нос, Дмитрий Викторович, – тихо проговорил я, стараясь не сорваться на крик. – Ваша ложь могла бы очень осложнить мою работу...

– Так могла бы осложнить или осложнила? – нахально осведомился Лалаев. – И как работа, кстати, продвигается? Дипломат уже у вас?

– Еще нет, – сухо ответил я. – Дело в том, что ограбивший вас человек...

– Вот вы вместо того, чтобы наводить обо мне справки, лучше бы ногами подвигали и нашли мою вещь, – оборвал меня Лалаев.

– Какие дела были в дипломате? – спросил я, уже понимая, что он не ответит.

– А это не ваше дело, голубчик, – повысил голос Лалаев. – И, знаете, что я думаю? Наверное, я напрасно обратился к вам.

– Похоже на то, – согласился я. – Я приостанавливаю ваше дело. До тех пор, пока вы не перестанете валять дурака. Как надумаете – позвоните.

Обрубив связь, я со спокойным сердцем вернулся к компу, но Приятель продолжал обработку информации, так что я решил вздремнуть.

Снились мне танцующие брэйк-данс химеры с Собора Парижской Богоматери, причем одна из них была точной копией татарки-Маргариты.

Посреди ночи меня разбудил тонюсенький звонок. Сотка, лежащая на столе возле кровати, легонько пищала и содрогалась.

– Да, – хмуро проговорил я. И добавил: – Какого черта?

– Это ваш клиент, – раздался в трубке визгливый голос Дмитрия Викторовича. – Ой, не надо... Зачем же вы так со мной...

– Что не надо? – потер я лоб, вроде бы окончательно просыпаясь. Тело уже бодрствовало, а голова еще нет. – Кстати, господин Лалаев, вы...

– Да это я не вам! – провизжал Лалаев. – Видите ли, меня сейчас убивать будут. Я из дома звоню... Вы бы приехали, а, Валера?

– Это вы серьезно? – удивился я. – Вам не снятся кошмары?

Странное какое-то предупреждение: меня, видите ли, сейчас будут убивать. Допустим. Но, если убийца, скажем, лезет в окно, то к кому обращался Лалаев? А если злодей в уже комнате, то он что – ждет, пока его жертва отзвонит по телефону?

– Абсолютно серьезно. Приезжайте поскорее, Валера-а-а-а-а... – последняя гласная перешла в крик, затем в трубке послышался звук глухих ударов, сменившихся коротеньким сигналом отбоя.

И что мне теперь делать?

Только я решил отказаться от клиента, оценив его обращение ко мне как недобросовестное поведение, – и вот его уже убивают на дому.

Придется на этот раз поступиться принципами, – иначе плакал мой гонорар, – хотя уж очень не хотелось выползть из теплой нагретой кровати.

«Жигуль» домчал меня до лалаевского дома за полчаса. Если за это время Дмитрия Викторовича уколошили, то выходит, что я зря жег бензин.

Хотя чутье подсказывало мне, что если имеет место шантаж, то шантажиста убивают (почти всегда убивают, господа), предварительно изъяв у него компрометирующие материалы. А таковых, как вы сами понимаете, на руках у моего клиента не было.

Так что можно считать, что похищение «дипломата» спасло ему жизнь.

Одноэтажный особняк в отдаленном районе, примыкающем к набережной, располагался возле оврага, пересекающего город вдоль. Проскочив мост, я тормознул возле дома и быстро подскочил к двери.

Из-за железного щита, обитого коричневым кожезаменителем, доносились сдавленные крики, перемежающиеся тупыми звуками ударов.

Я несколько раз надавил на кнопку звонка. Мне не открыли.

Более того, человек, находившийся в доме, вел себя настолько нагло и беззастенчиво, что даже удивил меня своим поведением.

Он не нашел ничего лучше, как врубить магнитофон, чтобы звонки в дверь не отвлекали его от истязаний. По округе разнеслись песни из митьковской коллекции. Та, что стояла сейчас в кассетнике, как нельзя лучше подходила к теперешней ситуации.

– One, two, three, four, – отщелкал пальцами Борис Борисович Гребенщиков и душевно затянул бернесовскую «Темную ночь».

– Вот сука, – в раздражении пнул я ногой железную дверь.

В ответ лишь прибавили громкость. Судя по шорохам и шелестам, сопровождавшим звук, это не музыкальный центр, а простенькая магнитола.

– Только пули свистят по степи... – меланхолично мурлыкал БГ.

Я отбежал в сторону и, примерившись, схватил небольшой булыжник и запустил его в окно. Послышался звон разбитого стекла.

– Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались... – мелодия зазвучала еще громче, становясь почти оглушительным ревом.

Нашупав сквозь пробойну шпингалет, я открыл окно и рванул на себя раму. Откинув занавеску, я впрыгнул в комнату и обомлел.

– Я спокоен в смертельном бою... – черт, пора бы избавиться от звукового фона.

Я нашарил рукой кнопку и выключил магнитола, не в силах оторвать взгляд от открывшейся передо мной картины. А посмотреть было на что.

Мой клиент Дмитрий Викторович Лалаев сидел связанный по рукам и ногам в кресле. Его рот был залеплен широкой лентой скотча.

Возле лишенного способности двигаться пожилого человека пританцовывала на роликах одетая в красные кожаные шорты великовозрастная девица.

– Джуси фрукт! Три в одном! Каждый раз во время еды! – с каждой фразой она наносила по корпусу Дмитрия Викторовича удары – то скользящие, то очень даже ощутимые. Судя по характеру побоев, было видно, что девица – мучитель отнюдь не профессиональный.

Но дилетантизм с лихвой искупался молодым задором. Девушка металась вокруг беспомощного Лалаева как фурия, царапая роликами паркетный пол, и, исторгая бессмысленные фразы из рекламных роликов, запросто могла при таком напоре выбить душу из моего клиента.

– Полон орехов! Здоровый кот! – голосила она, не обращая на меня никакого внимания, настолько была увлечена своим делом.

Завидев меня, Лалаев замычал, словно корова из рекламы «Милки вэя» и умоляюще задвигал глазами в разные стороны, призывая остановить расправу.

– Все дети любят (удар по почкам)! Все мамы советуют (удар в челюсть)! – по-своему истолковала мычание Дмитрия Викторовича дылда на роликах.

Поймав на лету ее жесткий кулак, занесенный для очередного удара, я спас Лалаева от очередного хука, но при этом едва не вывихнул свою руку.

Во-первых, не следует забывать, что девица была на роликах и безостановочно колесила по квартире, так что я сцапал ее как раз на повороте, чуть не потеряв равновесие. Не ухватись я второй рукой за трубу батареи (оказалась очень горячей), валяться бы мне сейчас на исчерпанном ее роликами паркете.

Во-вторых, свою руку я-таки отшиб, ухватив ее кулачок. Дело в том, что на пальцы девахи был надет самодельный кастет, это и увеличило силу удара. Хоть и пластмассовый, но все же кастет.

Исчезновение музыки и появление незнакомца в квартире Лалаева очень неприятно поразили девицу. Быстро вырвав у меня руку с кастетом, она ловко откатилась к коридору и с неприязнью посмотрела на меня своими зеленоватыми русалочьими глазами.

– Ты чего, дяденька? – удивленно спросила она неожиданным басом.

– Послушай-ка, детка, какого черта ты тут делаешь? – сделал я шаг вперед. – Я очень хотел бы встретиться с твоими родителями.

– На фиг? – продолжала недоумевать дылда на роликовых коньках.

– Ты что, красотка, действительно не в себе? Или, деточка, ты придуряешься? – разозлился я, делая вперед еще один шаг.

Именно на эти слова деваха почему-то не на шутку разозлилась.

– Старый пердун! – прокричала она и изо всей силы высунула язык.

Лалаев стонал, словно глухонемой во время полового акта. Он ерзал в кресле, выпучив глаза и двигая бровями вверх и вниз.

Я оглянулся на связанного Дмитрия Викторовича, полагая, что столь грубое восклицание обращено к нему. Но, как оказалось, я ошибся.

– Ты... ты говно! Говно, понял? – надрывалась девка, потихоньку отступая к двери.

– Это вы мне, сударыня? – я даже не знал, как реагировать на такое.

– Бе-е-е! – снова высунула она язык. Розовый, с желтоватым налетом.

Этого показалось ей мало. Тогда она ловко симитировала неприличный звук, просунув язычок между губ и юркнула в переднюю.

Я бросился за ней, не обращая внимания на усиливающееся мычание Дмитрия Викторовича, – подождет, но девка оказалось ловчее, чем я предполагал.

Эта современная молодежь на роликовых коньках, небось, часами тренируется, отрабатывая сложные приемы и замысловатые пируэты. Иначе как бы смогла эта мерзавка пропрыгать по лестнице аж шесть ступенек, ни разу не упасть и даже не покачнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.